

ФЕНИКС НА МЕЧЕ

...Знай же, принц, что после того, как океанские волны поглотили Атлантиду с ее сверкающими городами, и перед тем, как восстали Сыны Ариев, случилась одна неслыханная эпоха, когда по всему миру раскинулись великие королевства, подобно голубой мантии под звездами: Немедия, Офир, Бритуния, Замора с ее темноволосыми женщинами и тонкими, как паутина, башнями, Зингара с ее рыцарством, Котх, расположившийся на границах пасторального Шема, Стигия с ее могилами, которые оберегали призраки, и Гиркания, наездники которой носили сталь, шелка и золото. Но самым гордым королевством на всем белом свете была Аквилония, правившая похотим на сон Западом. И вот туда пришел Конан по прозванию Киммериец, черноволосый и угрюмый, с мечом в руке, вор, грабитель и работорговец, с неизменной печалью и такой же радостью в душе, дабы поправить изукрашенные драгоценными камнями троны земных владык своей обувью в сандалиии ногой.

Хроники Немедии

1

Над теряющимися в вышине шпилями и сверкающими башнями простерлась призрачная темнота и мертвая тишина, которая бывает только перед рассветом. В узкий переулок, задернутый непроглядным мраком, где легко можно было заблудиться, как в таинственном лабиринте, из двери, которую осторожно открыла смуглая рука, поспешно вынырнули четыре фигуры в масках. Не обменявшись ни словом, они растворились в темноте, кутаясь в плотные накидки, похожие на призраки убиенных душ. Позади них в дверном проеме смутно белело чье-то лицо, на котором было написано сардоническое выражение; пара недобрых глаз злобно блестела в темноте.

— Ступайте в ночь, создания тьмы, — издевательски произнес чей-то голос. — О, глупцы, рок идет за вами по пятам, как слепой пес, а вы об этом даже не догадываетесь.

Говоривший затворил дверь и запер ее на засов, после чего повернулся и пошел по коридору, держа в руке огарок свечи. Это был мрачный и хмурый гигант, чья смуглая кожа выдавала его стигийское происхождение. Он вошел в небольшую комнату, где на обитой атласом кушетке подобно большому ленивому коту раскинулся худощавый мужчина в потертом бархатном камзоле, неспешно потягивая вино из огромного золотого кубка.

— Что ж, Аскаланте, — сказал стигиец, опуская свечу на стол, — твои простофили выскользнули на улицу, как крысы из норы. Странные у тебя приятели, и выбор средств тоже очень странный.

— Приятели? — переспросил Аскаланте. — Хороши приятели, нечего сказать! Вот уже несколько месяцев, с тех самых пор, как Совет Четырех призвал меня из южной пустыни, я живу среди злейших врагов, прячась днем в этом мрачном доме, а по ночам тайком блуждая по темным переулкам и еще более темным коридорам. И при этом мне удалось то, чего не смогли сделать эти благородные вельможи, называющие себя бунтовщиками. Через их посредство, равно как и с помощью других агентов, многие из которых никогда не видели моего лица, я разбил страну мятежными настроениями и беспорядками. Короче говоря, я, действуя исподволь и оставаясь в тени, подготовил все к свержению короля, который сейчас восседает на троне, ни о чем не подозревая. Клянусь Митрой, перед тем, как стать преступником, я ведь был государственным деятелем.

— А эти глупцы, что мнят себя твоими хозяевами?

— Они и дальше станут думать, что я верно служу им, пока не будет выполнена стоящая перед нами задача. Кто они такие, чтобы тягаться в хитроумии с самим Аскаланте? Вольмана, малорослый и недоразвитый граф Карабан; Громель, здоровенный громила, командующий Черным Легионом; Дион, жирный барон Атталус; Ринальдо, полоумный менестрель. Я — та сила, что объединяет их, и я же раздавлю их поодиночке, когда пробьет час. Но это — дело будущего, а сегодня ночью король умрет.

— Несколько дней назад я видел, как имперские эскадроны покидают город, — обронил стигиец.

— Они отправились к границе, атакованной язычниками-пиктами, — благодаря огненной воде, которую я тайно переправил им контрабандой, чтобы привести их в нужное состояние возбуждения. Сделать это удалось благодаря огромному состоянию Диона. А Вольмана постарался передислоцировать из города остальные воинские части, что еще оставались здесь. Благодаря его царственным родственникам в Немедии нам легко удалось убедить короля Нуму пригласить к себе графа Тросеро Пуатанского, сенешаля Аквилонии. Разумеется, его должен сопровождать почетный эскорт из имперских войск, командовать которыми поручено Просперо, правой руке короля Конана. Таким образом, в городе осталась только личная стража короля и Черный Легион, конечно. Через Громеля мне удалось подкупить проигравшегося в пух и прах офицера стражи, чтобы в полночь он увел своих людей от дверей опочивальни короля. Затем вместе с моими шестнадцатью отчаянными головорезами мы проникнем во дворец по тайному подземному ходу. После того, как дело будет сделано, даже если народ не примет нас с распростертыми объятиями, Черный Легион Громеля сумеет удержать под контролем ситуацию в городе и корону.

— А Дион, надо полагать, рассчитывает, что корона будет вручена ему?

— Да. Этот жирный идиот всерьез полагает, что она достанется ему благодаря капле королевской крови в его жилах. Конан сделал большую ошибку, оставив в живых людей, похвально относящихся своим родством со старой династией, у которой он и отобрал корону Аквилонии. Вольмана желает вновь оказаться в фаворе при дворе, как было при прежнем властителе, чтобы вернуть былую роскошь своим обнищавшим поместьям. Громель люто ненавидит Паллантида, командира Черных Драконов, и с упрямством босконца, достойным лучшего применения, мечтает заполучить под свое начало всю армию. И лишь Ринальдо, единственный из нас, не питает личных амбиций. Он видит в Конане невежественного варвара, руки которого по локоть обагрены кровью, пришедшего с севера, чтобы вдоволь пограбить цивилизованную страну. Он идеализирует короля,

которого убил Конан, дабы отобрать у него корону, помня лишь то, что тот изредка покровительствовал искусствам, и забывая о зле, которое причинило его правление. Самое главное, он заставляет и народ забыть об этом. Они уже открыто распевают «Похоронную песнь королю», в которой Ринальдо восхваляет причисленного им к лику святых злодея, называя Конана «злым дикарем из бездны». Конан лишь посмеивается над этим, но люди уже ворчат.

— За что он ненавидит Конана?

— Поэты всегда ненавидят власть предрержащих. Для них совершенство всегда ждет за следующим углом или осталось за тем, который они только что миновали. Они ищут спасения от настоящего в мечтах о прошлом или будущем. Ринальдо — пылающий факел идеализма, поднятый, как он думает, для свержения тирана и освобождения народных масс. Что касается меня... Что ж, всего несколько месяцев назад я думал, что предел моих желаний — грабить караваны на большой дороге, но теперь во мне ожили прежние мечты. Конан умрет, Дион сядет на трон. Но потом умрет и он. Один за другим умрут все, кто противостоит мне, — от огня, стали или отравленного вина, которое ты так хорошо умеешь готовить. Аскаланте, король Аквилонии! Красиво звучит, ты не находишь?

Стигиец лишь пожал в ответ своими широкими плечами.

— Было время, — с нескрываемой горечью заметил он, — когда и я строил честолюбивые планы, рядом с которыми твои выглядят детскими мечтами. И как же низко я пал! Мои прежние повелители и соперники не поверили бы своим глазам, если бы увидели, как Тхотх-амон Кольца прислуживает в качестве раба чужеземцу, да вдобавок еще и преступнику, и помогает осуществиться жалким мечтам баронов и королей!

— Ты посвятил себя магии и искусству обращения с мумиями, — небрежно заметил Аскаланте. — А я полагаюсь на свой ум и меч.

— Меч и ум — жалкие соломинки в сравнении с мудростью Тьмы, — прорычал стигиец, в темных глазах которого вдруг заблестали зловещие молнии. — Если бы я не лишился Кольца, сейчас мы бы с тобой поменялись ролями.

— Тем не менее, — нетерпеливо откликнулся разбойник, — ты носишь на своей спине следы моего хлыста и, скорее всего, будешь носить их и в дальнейшем.

— Не будь столь самоуверен! — Глаза стигийца полыхнули яростью. — Когда-нибудь, не знаю как, но я непременно отыщу Кольцо. А когда это случится, то, клянусь змеиными клыками Сета, ты заплатишь мне за все...

Но тут вспыльчивый аквилонец вскочил на ноги и изо всех сил ударил колдуна в лицо. Тот отлетел назад, вытирая кровь с разбитых губ.

— Ты слишком осмелел, грязный пес! — рявкнул разбойник. — На твоём месте я был бы осторожнее; я по-прежнему остаюсь твоим хозяином, которому известна твоя мрачная тайна. Иди, поднимись на крышу и закричи на весь город о том, что Аскаланте готовит мятеж против короля, — если осмелишься.

— Я не осмелюсь, — пробормотал стигиец, вытирая кровь с лица.

— Да, ты не посмеешь, — холодно улыбнулся Аскаланте. — Потому что если я погибну в результате твоей хитрости или предательства, отшельник-жрец в южной пустыне узнает об этом и сломаёт печать на рукописи, которую я оставил ему на хранение. А потом он прочтёт её, по Стигии поползут слухи, и полночный ветер донесёт их сюда. И тогда тебя ничто не спасёт, Тхотх-амон!

Раб содрогнулся, и его смуглое лицо посерело.

— Довольно! — Аскаланте резко сменил тон. — У меня есть для тебя работа. Я не доверяю Диону. Я приказал ему отправиться в свое поместье и оставаться там до тех пор, пока дело не будет сделано. Жирный дурак не смог бы скрыть свою нервозность сегодня перед лицом короля. Поезжай за ним; если ты не догонишь его в пути, следуй прямо в его поместье и сиди там, пока мы не пошлем за ним. Не спускай с него глаз. Он отчаянно трусит и может выкинуть какую-нибудь глупость — вплоть до того, что даже кинется к Конану и признается ему во всем, надеясь таким образом спасти свою шкуру. Ступай!

Раб поклонился, пряча ненависть в глазах, и сделал так, как ему было приказано. Над сверкающими шпильями занимался кроваво-красный рассвет.